VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

ДОКИНЗ КАК ИЛЛЮЗИЯ
Храмов А. В.

Храмов Александр Валерьевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН. Автор более 20 научных статей, а также научно-популярных материалов, публиковавшихся в таких изданиях, как "National Geographic", "Наука и жизнь" и др.

1. Докинз как иллюзия

Этой осенью на русском языке вышла книга известного проповедника атеизма Ричарда Докинза "The god delusion". В русском переводе она называется "Бог как иллюзия". Сразу оговоримся, что считаем ее заслуживающей внимания совсем не из-за качеств самой книжки, которая достаточно вторична и неоригинальна (например, по сравнению с советской атеистической литературой).

Это отметили даже гости, приглашенные на ее презентацию на книжной ярмарке Non Fiction, прошедшей в ноябре 2008 года. Торжественное развенчание "доказательств бытия Божьего", "безнравственности" Ветхого завета и насмешки над "абсурдностью" христианских догматов, разговоры о жестокости и догматизме сторонников религии, выискивание корней религии (в советское время искались преимущественно классовые, а Докинз пытается найти "эволюционные") – всё это знакомо и не очень интересно.

Вообще, атеистическую агитку от серьезного исследования, посвященного религии (пусть и ведущегося с атеистических позиций), можно отличить уже по первым страницам книги. Если автор сообщает в начале книги, за анализ какой конкретно религии (конфессии, культа) он взялся, также оговаривая временной и географический интервал, в котором он рассматривает исследуемое явление, эту книгу можно читать дальше. Если же автор обещает разобрать и опровергнуть "религию вообще", то его книгу можно смело закрывать. Потому что перед нами агитация, убедительная сила которой прямо пропорциональна неосведомленности ее читателя.

"Моя мишень – бог, все боги, всё сверхъестественное, где бы оно ни было или ни будет изобретено", - заявляет Докинз после того, как на пяти (sic!) страницах "разобрал многобожие". Так что книгу можно закрывать уже на 56 странице.

Но всё же сделайте над собой усилие и дочитайте ее до конца. Просто во время чтения постоянно помните о том, что имеете дело с агитационной литературой. Сам Докинз этого и не скрывает и прямым текстом говорит, что его книга "призвана обращать" и "пробуждать сознание".

Наш "пробудитель сознания", если бы он поставил перед собой задачу не обращать в атеизм, а, скажем, пропагандировать сухопутный образ жизни, мог бы написать книгу под названием "Плавание как иллюзия". В самом ее начале сообщалось бы: "Моя мишень – всё, что умеет плавать, где бы я это ни обнаружил или ни обнаружу". В этот список попали бы и рыбы, и дельфины, и корабли, и лабрадоры, и пловцы на Олимпиаде.

Категория "сверхъестественного" (или "всех богов") подобна категории "того, что умеет плавать": в нее можно засунуть почти всё угодно. Чтобы в итоге нормально не разобрать ничего. А Докинз, как и любой агитатор, и не заинтересован вникать в то, против чего он хочет настроить людей. В целях пропаганды как раз необходимо всё смешать в одну кучу, чтобы потом вылавливать из нее то, что необходимо для "убедительности", игнорируя при этом всё остальное. Раз – выловил взорванные исламскими экстремистами башни в Нью-Йорке, два – выловил жертв инквизиции, три – посмеялся над нелепым культом карго, тем самым как будто продемонстрировав нелепость всяких религиозных надежд…

Если бы Докинз рассматривал отдельно, например, католицизм, то всем бы бросилось в глаза, например, его замалчивание огромной роли католической Церкви в развитии европейского образования (от Средних веков и до Нового времени включительно). Да и рассматривая истоки католицизма, он не мог бы уже отделаться анекдотцем о культе карго. Но мишень Докинза – "все боги", ему до "мелочей" дела нет. Любую рыбку в мутной воде можно поймать, имея в качестве мишени "всё, что плавает".

Для чего же я предлагаю прочесть книгу Докинза?

Дело в том, что она заслуживает внимания именно в качестве образчика пропагандистской литературы. По тем штампам, которые он, не задумываясь, воспроизводит, можно судить об определенных тенденциях в современном обществе. Книга Докинза идет нарасхват ("The god delusion" стала бестселлером в Англии) – значит, штампы находят убедительными и привлекательными. "Ключик" Докинза находит всё больше "замочных скважин", в которые его можно вставить.

Емельян Ярославский предлагал "оставить небо попам и птицам" – потому что трудящиеся строят небо на земле. Царство Божие было заменено коммунизмом: и Ярославским зачитывались комсомольцы. А у Докинза Бога заменили наукой – и им тоже зачитываются на Западе. По ключику можно судить и о замочках.

2. Божество Докинза

В первые месяцы правления Робеспьера прогрессивная революционная общественность попыталась упразднить католическую религию и вместо него ввести культ Разума. Все католические храмы Парижа были закрыты, а в Соборе Парижской Богоматери был проведен праздник Разума и Свободы. Актриса, олицетворяющая Свободу, отплясывала на алтаре. Прогрессивная общественность была довольна, но культ Разума всё равно как-то не прижился: слишком сильна была еще приверженность католицизму в народе.

Возможно, сейчас эта "религиозная реформа" имеет больше шансов на осуществление: догматический и не терпящий никакой критики культ науки сейчас широко распространен в современной цивилизации. Напротив, христианство всё больше оттесняется на второй план. Однако не стоит думать, что мы вступаем

в пострелигиозную эпоху: просто одна религия ("научная") заменяет другую (христианскую).

Докинз является апостолом новой религии. Это его средствами было оплачено размещение на лондонских автобусах слогана: "Возможно, бога нет. Не волнуйтесь и наслаждайтесь жизнью". Это он ездит по миру с антирелигиозными проповедями и готовит антирелигиозные передачи по телевидению. Еще Докинз предложил праздновать 25 декабря вместо Рождества Христова рождение Исаака Ньютона. А в своей книге он предлагает создать что-то вроде "церкви" атеистов, которая, подобно христианским Церквям, представляющим в обществе верующих, могла бы отстаивать интересы агностиков и атеистов. Не удивлюсь, если в ближайшее время Докинз предложит воздвигнуть алтарь науки и начнет совершать на нем жертвоприношения (надеюсь, не человеческие).

Существуют вполне спокойные атеисты и агностики, атеизм которых не имеет ничего общего с религиозностью. Но Докинз к ним не относится. Наоборот, он клеймит в своей книге "нищету" и "постыдность" агностицизма. Есть много людей, лишенных музыкального слуха, есть люди, не интересующиеся футболом, наконец, есть люди, лишенные "религиозного чувства", и религия им просто неинтересна. Но они, в отличие от Докинза, и не подумают с пеной у рта доказывать кому-то, что "Бога нет". Если вы не интересуетесь футболом, то это значит, что вы всего лишь не посещаете футбольные матчи и не следите за новостями спорта. Но вы ведь не станете тратить несколько десятков тысяч фунтов на оклеивание городских автобусов баннерами с надписью "Возможно, футбол неинтересен. Забудьте о нем и наслаждайтесь жизнью".

Всё это говорит нам о том, что Докинз просто занят проповедью очередной религии. Он сам это косвенно признает. "Если Бог, уходя, оставит за собой зияющее пустое место, разные люди заполнят его поразному. Мой личный способ – наука", – пишет он в "Боге как иллюзии". Жрица религии Разума, которая отплясывает в опустевшем соборе – как раз такой способ заполнить пустоту. Наука просто помещается на место Бога. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: прежде всего, с необходимостью всё оценивать по ее меркам, при этом веря в ее абсолютность (то есть, не задаваясь вопросом о предпосылках научного метода и его границах). Докинз согнал с алтаря Бога и возвел туда науку. Ну, а кто на алтаре сидит, тот и судит всё остальное. Все аргументы Докинза, призванные убедить читателя в отсутствии Бога, строятся именно на неоправданном расширении сферы науки (конечно, ведь наука, как и всякое божество, вездесуща и всевластна). "Наличие или отсутствие мыслящего сверхъестественного (sic! – А.Х.) творца однозначно является научным вопросом", – утверждает Докинз. Его не смущает даже слово "сверхъестественное". Докинз уповает на вездесущесть своего божества и потому думает, что даже к сверхъестественному (то есть тому, что по определению стоит "по ту сторону" доступного рациональному и чувственному познанию) можно прикладывать научные методы. Ну, а раз уж он затащил Бога на территорию науки, то никакого труда "опровергнуть" Его Докинзу не составляет. Так, описывая "молитвенный эксперимент", в котором проверялось воздействие молитвы о здравии на здоровье человека, Докинз уверен, что Бог поведет Себя так, как и все остальные реальности, изучаемые наукой, то есть сугубо закономерно и предсказуемо. Включаем лампочку – а слюна у собаки идет? Значит, есть условный рефлекс. Не идет? Нет. Молимся Богу, а Бог исцеляет? Значит, есть Бог. Не исцеляет? Нет Бога. Но Бог не условный рефлекс, не закон природы, Он живая и свободная Личность, Которая поступает так, как сочтет нужным. Потому и говорят о сверхъестественности Бога, что Он не выводим из анализа некоей совокупности данных. Мы познаем Бога только тогда, когда Он Сам открывается нам. Галилей сравнивал эксперимент с "испанским сапогом", в который мы зажимаем природу, вынуждая ее открыть свои законы. Но никаким экспериментом нельзя вынудить Бога открыться. Потому что Бог – Личность, а вовсе не регулярная связь определенных явлений, которую мы и называем законами природы. Здесь действует волюнтаристская логика (логика "хочу"), а не логика регулярностей.

Докинз смог сделать из Бога научную гипотезу, потому что из науки сделал бога. Он, абсолютизируя науку, не задается вопросом о ее предпосылках, в данном случае о постоянстве и регулярности действия законов природы (см. ниже, "почему ведьма может летать") и, воспринимая их как само собой разумеющиеся, распространяет их и на всё содержание христианства (дескать, всё должно быть регулярным, значит, и Бог тоже). И, в итоге, слепив из Бога некое подобие научной гипотезы (этот статус Докинз присвоил Богу исключительно с целью ее последующего развенчания), Докинз затем ее победоносно опровергает, так как Бог, разумеется, не хочет вести себя так, как должна вести себя приличная научная гипотеза.

Итак, Докинз сначала делает из Бога научную гипотезу, затем опровергает Бога в качестве научной гипотезы, а затем заявляет, что сам Бог опровергнут в результате этой манипуляции. Ловкий трюк!

3. В чем Докинз прав

Попытка сделать из Бога научную гипотезу родилась не на пустом месте: Докинз просто развил аргументы современных креационистов, пытающихся объяснить возникновение жизни существованием разумного творца.

И все возражения Докинза относительно недопустимости использования идеи о творящем надмирном разумном существе в качестве научной гипотезы вполне справедливы. Действительно, такое существо – еще более сложный объект, чем вселенная или живые организмы, возникновение которых оно призвано объяснить. Кроме того, недопустимо в качестве аргументов в пользу существования Бога использовать "белые пятна": дескать, раз ученые еще не знают причин того или иного явления, значит, его причиной является надмирное разумное существо. Но такое допущение просто тормозит исследование, ничего реально не объясняя.

Если знакомый спрашивает вас: "Почему сломалась моя машина?", а вы отвечаете: "Потому что на то была воля Божья", то это означает лишь, что вы не хотите копаться в ее двигателе.

Бог не может использоваться в качестве научной гипотезы, в этом Докинз прав. Но заключать из этого,

что Бога не существует, абсолютно неправомерно. Докинз не понимает этого потому, что уверовал в науку как в единственный источник истины. Дескать, наука – это такой кассир, у которого все (даже Бог) обязаны покупать себе билетик, чтобы войти в трамвай бытия. А всех безбилетников из трамвая должны выбрасывать контролеры ("ортодоксы от науки"), к каковым причисляет себя и Докинз. Ему почему-то не приходит на ум, что в бытие можно войти, в крайнем случае, и с черного хода, и без всякого билета. Так что Бог, который неприемлем в качестве научной гипотезы, имеет не меньше прав на существование, чем второй закон термодинамики, например. Бытие – не трамвай, и разнообразные контролеры, пытающиеся требовать у всех и каждого билетики, выписанные какой-то одной инстанцией (наукой ли, если мы говорим о фанатиках вроде Докинза, или Библией, если мы говорим о христианских фундаменталистах), тут неуместны.

"Научная религия" – это как раз попытка запускать всех в дом бытия через одну дверь, на которой весит табличка: "Наука". Тем самым разнообразные служители науки (эксперты, академики), которые ведают этой дверью и распоряжаются, перед кем ее открывать, а перед кем – нет, получают безграничную власть, подобно той, которой раньше обладали священники и епископы.

Иисус сказал Петру: "Дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (Мф. 16:19). Сейчас именно "ортодоксы от науки" претендуют на то, чтобы стать новыми Петрами, уполномоченными говорить от имени безусловной истины. (Вспомним, как безотказно действует на современного человека фраза: "ученые доказали, что…").

Между тем наука – совсем не безусловная истина. Напротив, она строится на определенных предпосылках и является всего лишь одной из многих дверей в "дом бытия".

4. Почему ведьма может летать?

Вопрос состоит вот в чем: если наука имеет дело исключительно с регулярными и повторяющимися явлениями, то должно ли это означать, что весь мир состоит из таких явлений и регулярность эта нигде и никогда нарушаться не может?

В качестве примера очевидной нелепости религиозного подхода к миру Докинз приводит верование аборигенов в ведьму, летающую по ночам на банановом листе и кидающую в людей свои дротики. Докинз, как обычно, не удосуживается рассмотреть принципы, на основании которых он решил, что этот взгляд такой уж нелепый. А между тем, если внимательно приглядеться, абсурдной представляется уже не летающая ведьма, а профессор Докинз, который желает заставить всех и вся жить согласно принципам науки (а тех, кто не желает выписывать у науки билетик, он хочет ссаживать с трамвая бытия).

Разве ведьма не может летать только потому, что не удовлетворяет предпосылкам научного познания? В основе одной из этих предпосылок лежит индуктивное обобщение о постоянстве экспериментально фиксируемых законов природы. Спросите, почему Докинзу (и не только ему, а миллионам людей, зомбированным околонаучной пропагандой) ведьма, летящая на метле (или Непорочное Зачатие, которому не предшествует половой акт) кажутся чепухой и сказкой, не заслуживающими внимания?

Потому что это противоречит "законам природы", ответите вы – ведьме помешает летать на метле сила тяжести, а Непорочному Зачатию – необходимость слияния женской и мужской гамет перед образованием зиготы. Этот ответ не совсем точен. Ведьма, летящая на метле, противоречит не законам природы, а лишь допущению о безусловном характере их действия. Никто не спорит, что законы природы есть. Думаю, аборигены их существование тоже не отрицают. Вопрос лишь в том, с каким постоянством эти законы выполняются. Аборигены считают, что законы одного, вещественного, плана, запросто чередуются с законами магическими: согласно последним, ведьма, совершив определенный магический обряд, может летать. Напротив, ученые думают, что ведьма не перестанет притягиваться к земле с силой mg даже тогда, когда ей захочется полетать. И то, и другое суждение вполне отвечают здравому смыслу.

Почему же суждение ученых нужно предпочесть суждению аборигенов? Отбросим аргументы из серии "кто сильнее, тот и прав": ученые могут навязывать дикарям свои взгляды на мир, потому что за ними стоит более успешная цивилизация с техническими достижениями, созданными благодаря науке и пр. Аборигены тысячи лет вполне успешно выживали без компьютеров и автомобилей, зато с верой в колдовство, а вот с приходом технически одаренной цивилизации, напротив, постепенно вымирают. Так что "успешность" для нас и для них разная. Поэтому обратимся лучше от рассуждений об "успешности" науки и "неэффективности" колдовства к рациональным аргументам.

Стоит вспомнить слова Канта из "Критики чистого разума": "Если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т.е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение. Стало быть, эмпирическая всеобщность есть лишь произвольное повышение значимости суждения с той степени, когда оно имеет силу для большинства случаев, на ту степень, когда оно имеет силу для всех случаев, как, например, в положении все тела имеют тяжесть".

Проще говоря, опытным путем мы никогда не сможем доказать, что "законы природы выполняются везде и всегда". Для этого бы потребовалось провести бесконечное число экспериментов, которые бы охватывали все случаи применения проверяемого закона. Ясно, что это невозможно. Возможно лишь индуктивное обобщение на основании той исчезающее малой доли материала, которым мы обладаем: "законы природы выполняются всегда, потому что мы не наблюдали обратного". На тех же основаниях европейцы, до того как они познакомились с Австралией и живущими в ней черными лебедями, могли заключить: "лебеди белые всегда, потому что мы никогда не видели лебедей других цветов". Отсюда ясно, сколь шатки любые индуктивные обобщения.

Об этом, кстати, в середине XIX века разгорелся знаменитый спор Вильяма Уэвеля (Whewell) и Стюарта Милля. Милль настаивал на том, что законы природы выводятся исключительно через индуктивное обоб-

щение фактов, Уэвель же говорил, что одних фактов мало: разум должен привнести и концепцию, которая эти факты объединила бы (подобно нитке, на которую нанизываются бусины). И Уэвель, безусловно, прав. И дикарь, и ученый имеют дело с бусинами (нельзя сказать, что одними и теми же, ибо научное наблюдение не столько фиксирует факты, сколько их создает). Дикарь нанизывает свои бусины на одни нитки, ученый нанизывает свои бусины на другие (в частности, объединяя разрозненные факты допущением о неизменности регулярной связи между ними).

Отсюда ясно, что настаивать на "абсолютности природных законов", которая не ведает "никаких исключений", что будто бы следует из "наблюдаемых фактов", просто ошибочно. Это не более чем наше допущение. Законы природы есть, но приписывать им абсолютной статус везде и всегда (а не только в рамках научного эксперимента) нельзя, а, следовательно, нельзя насмехаться над чудесами как над чем-то "невероятным". К этому выводу мог бы прийти Докинз, если бы не отделывался голословными заявлениями о "критичности мышления", обвиняя религиозных оппонентов в его отсутствии, а действительно критично бы отнесся к основаниям науки.

Здравый смысл, если он, конечно, не убит околонаучной пропагандой, подсказывает нам, что законы природы обычно выполняются всегда, но нет никаких оснований для того, чтобы запретить все исключения из них. Если очень хочется, ведьма может взлететь на банановом листе, а сила тяжести на время подождет. И уж тем более, если этого хочет всемогущий Бог, Он сможет пройтись по глади морской или умножить хлеба, на время отменив для Себя силу тяжести или закон сохранения материи. Не чудеса нелепы, а нелепо требование "абсолютности" законов природы.

Идея о непреложных законах природы вполне уместна в качестве одной из предпосылок науки. Но за пределы науки ее распространять нельзя.

Зачем науке понадобился постулат о "законах, действующих везде и всегда"? Исключительно из соображения удобства исследования.

Мы не можем взять производную от функции, содержащей несколько независимых переменных. Мы можем взять только частную производную по одной из этих переменных, приняв остальные за константы. Собственно, этим и занимается наука. Исследуя в эксперименте один параметр, изменяя его и фиксируя при этом изменения других параметров, мы устанавливаем некую устойчивую связь этого параметра с ранее известными. Но при этом необходимо допустить, что в эксперименте связь между другими, ранее исследованными, параметрами всегда устойчива и соответствует ранее установленной. Как мы, например, можем изучать зависимость свойств проводника от температуры, если не допустим, что сила тока и в данном конкретном эксперименте прямо пропорциональна напряжению, как гласит закон Ома? Ведь если сейчас сила тока прямо пропорциональна напряжению, а через пять минут обратно пропорциональна, и подобным образом периодически "скачут" все остальные известные законы, то ничего исследовать мы попросту не сможем: слишком много переменных, за которыми невозможно уследить.

Еще более наглядная аналогия: на фоне неизменной обстановки можно легко отследить и описать перемещение какого-то одного предмета (например, стул раньше стоял возле двери, а теперь стоит возле окна). Если же меняется всё: окна замуровываются, стены разбираются, комоды и столы гуляют как хотят, то на фоне этого бардака отследить поведение вашего стула невозможно. Нет многих констант и одной переменной, всё меняется и плывет друг относительно друга. Теперь понятно, почему ученым потребовалось допустить неизменность законов природы?

Так удобнее. Если мы допустим, что закон Ома выполняется везде и всегда, то каждый раз, когда сгорит ваш прибор, можно не проверять, изменился ли закон Ома (и все остальные законы), а искать причину в технической неисправности. Такое допущение рационально, потому что экономит силы и время ученых.

Из сказанного выше ясно, что чудеса не "противоречат" науке, они просто лежат вне сферы ее компетенции. Ученый работает, допуская, что законы природы не знают исключений. Чудо же по определению есть то, что является исключением из порядка обыденности. Следовательно, ученый с чудесами работать не может. Докинзу следовало бы задуматься над этим. Но для него наука подобна Богу – она абсолютна и всеобъемлюща. Если религиозные фанатики считают, что всех людей необходимо обратить в свою веру, так как она абсолютно и безоговорочно истинна, так и Докинз, уверовавший в наука, считает, что все сферы человеческой деятельности должны соответствовать научным стандартам и предпосылкам. Всех же, кто так не считает, он презирает, как презирают фанатики тех, кто не разделяет их веры. Докинз противопоставляет в своей книге не критическое мышление догматизму, а сциентистский фундаментализм фундаментализму религиозному.

Стоит отметить, что идея о неизменности законов имеет длительную историю и христианство вполне эту идею разделяет. Христианская логика в чем-то схожа с логикой ученых (хорошо ли это, или плохо): неизменность и невозможность преступить законы природы служит фоном, на котором становится очевидным всемогущество Бога, Который всё же может эти законы нарушать. Напротив, для дохристианского, магического сознания неизменность законов природы не существует, и поэтому "в порядке вещей", что эти законы иногда не действуют: нет ничего удивительного в том, что ведьма летает, что человек по полнолуниям превращается в волка. Нет «неизменного фона», на котором бы стали заметны чудеса. Окна, двери и стены всё время меняются местами – и перемещение какого-либо отдельного предмета уже не ощущается. Античные писатели (например, Кельс) не видели ничего удивительного в чудесах Иисуса: ну да, чему тут удивляться, он был просто обычным магом, каких много. Только мы, которые осознают неизменность законов природы, испытываем благоговейное чувство, когда читаем в Евангелиях о чудесах, совершенных Господом. Труп, уже начавший разлагаться (смердеть), не может ожить – но Господь воскресил Лазаря. Большая масса человеческого тела и маленькая площадь стопы не позволят ходить по поверхности воды: но Господь ходил по морю.

Конечно, как христиане не верят в то, что магия имеет силу, так можно не верить и в то, что Иисус не совершал чудес. Это выбор самого человека. Докинз этого не понимает. Может быть, потому, что за него выбор сделали уже другие, а сам он расписывается в своем неумении выбирать предпосылки своего мышления.

5. Догматизм науки и критицизм религии.

Прочитав рассуждения выше, читатель вправе задать вопрос: а может ли наука занять место Бога? Можно ли использовать науку в качестве религии, как это, по нашим утверждениям, делает Ричард Докинз? Ведь наука предполагает доказательства, а религия – веру, и, таким образом, по своей структуре наука просто не может сделаться религией или заменить ее.

Думаю, возражения эти неоправданны. Религия и наука по своей организации не столь уж далеки друг от друга, как принято думать. В частности, это касается догматизма и критицизма, будто бы свойственных религии и науке соответственно.

Одним из общих мест в книге Р, Докинза является как раз противопоставление критицизма науки и догматизма религии. Но так как книга самого Докинза абсолютно некритична, а сам он является ортодоксальным ревнителем "наукобожеской религии", то никакого критического анализа подобного противопоставления от него ждать не приходится.

Любой, кто хоть немного знаком с практикой функционирования научного сообщества и чей разум не затуманен "наукобожием", понимает, что разговоры о "критичности" науки существенно преувеличены. А если сравнивать научное сообщество с религиозным (чтобы не повторять приемов Докинза, оговорюсь, что здесь и далее я подразумеваю под религией христианство), то рассматривать их в рамках антитезы "критицизма-догматизма" просто невозможно.

Разумеется, в разных областях науки постоянно ведутся дискуссии и обсуждаются альтернативные точки зрения на один и тот же предмет. Однако все эти дискуссии протекают в рамках определенной парадигмы, а всё, что расходится с этой парадигмой, игнорируется и безжалостно отбрасывается. Конечно, частное суждение, частный случай приложения парадигмы вполне допустимо критически обсуждать. Но это не значит, что вообще всё содержание науки может быть оспорено. На парадигму ученый замахнуться не смеет: ведь парадигма играет роль структурообразующей функции (прежде всего, в вопросе подготовки научных кадров – научное образование, которое выписывает человеку "лицензию" на право заниматься профессиональной наукой, – всё построено вокруг господствующей парадигмы). Соответственно, ученый, поставивший под сомнение парадигму, тем самым автоматически сам ставит под сомнение свой статус ученого. "Еретик" изгоняется за пределы научного сообщества – а после этого он вам уже никакой не "коллега" и не собрат по научной корпорации и к его голосу можно уже не прислушиваться, как не прислушиваются профессиональные ученые к мнению профанов. Научная парадигма защищает себя не аргументами, а институционально: а разве не это называется догматизмом (решение спорных вопросов с помощью затыкания ртов, а не доводов)?

Конечно, "изгнание еретиков" из научного сообщества обычно не происходит открыто. Обычно не возникает необходимости открыто анафематствовать (хотя и это случается) "неверных". Для этого существуют куда более эффективные методы. Например, не брать статьи ученых с "неправильными" взглядами в ведущие научные журналы, не допускать их до участия в конференциях, урезать финансирование (распределение грантов обычно зависит от той же научной номенклатуры, которая ведает и научным образованием, то есть внушением "правильной" парадигмы).

Конечно, в ответ ученые-"еретики" могут создать свой журнал и проводить свои конференции: но всё научное сообщество будет считать их сектой, а индекс цитируемости их журнала будет близок к нулю. Но, скажете вы, "еретиков" от науки никто не сжигает на кострах. Но ведь сейчас и еретиков от религии никто не сжигает. Всё зависит от эпохи. И, кто знает, существуй наука в Средние века, может быть, ученые боролись бы с оппонентами так же, как боролись с ними религиозные деятели.

Но даже и по прошествии Средних веков замалчивание и шельмование ученых-"еретиков" (попытавшихся поставить под сомнение парадигму) может приводить к трагедиям.

Р. Докинз в своей книге вспоминает о британском математике и кибернетике Алане Тьюринге, который в 1954 году покончил жизнь самоубийством, так как его начали травить (во многом – по религиозным соображением) из-за его гомосексуальной ориентации. В 1928 году самоубийством покончил жизнь австрийский биолог Пауль Каммерер. Он попытался на примере жабы-повитухи обосновать справедливость ламаркизма, то есть наследования благоприобретенных признаков. Тем самым он попробовал поставить под сомнение дарвинистскую парадигму, лежащую в основании биологии, согласно которой эволюция протекает путем естественного отбора случайных изменений, а не путем возникновения признаков, появляющихся вследствие приспособления организма к окружающей среде. Коллеги начали травить Каммерера и в итоге обвинили его в фальсификации данных…

Забавно, но сам Докинз является ортодоксальным неодарвинистом и ярым сторонником синтетической теории эволюции (эволюция идет только путем отбора случайных мутаций, считает он). Так что рассуждения о "критичности" и догматизме в его устах выглядят весьма забавно.

Вы можете сколько угодно быть критичным, например, по отношению к вопросу, от кого произошла та или иная группа живых организмов. Но вот когда речь идет о самой неодарвинистской парадигме, о своем критицизме лучше забудьте. Иначе с вами может случиться то же, что с Паулем Краммерером. Ну, или как минимум, ваш неуместный "критицизм" существенно затормозит вашу научную карьеру и осложнит получение грантов.

Так что не стоит думать, что ученые – это такие вот "свободные умы", бескорыстные искатели истины,

открытые любой критике. Они, как и все остальные люди, тоже включены в институциональные отношения, зачастую не менее жесткие, чем отношения в рамках Церкви. И вопрос истины в науке зависит от вопроса административного (властного) и финансового не меньше, чем в остальных видах человеческой деятельности. Это не повод обвинять в чем-либо ученых: все мы люди. Просто не надо делать из ученых ангелов.

Опять же, представления о догматизме религии в современном обществе столь же превратны, как и представления о критицизме науки. Богословские споры по частным вопросам веры в любой христианской конфессии происходят не реже, чем споры в тех или иных областях науки. Среди клира и профессоров богословия можно встретить самые различные, часто противоположные мнения (в православии это касается, например, учения о таинствах, экклесиологии, толкования каких-то моментов богослужения и пр.) Разумеется, при этом все православные христиане придерживаются догматических постановлений семи Вселенских Соборов. И если ты ставишь под вопрос божественность Иисуса Христа в том виде, в каком она понимается Вселенскими Соборами, тебе уже не место в рядах православного клира. Но ведь и среди ученых могут быть разнообразные мнения по частным вопросам, но в признании парадигмы они едины. Догматы христианства – просто парадигма христианского сознания. Не признавая этой парадигмы, нельзя быть христианином.

Так что в отношении парадигмы и религия и наука догматичны, а в отношении выводов из нее и приложения ее к частным проблемам – критичны.

В конечном счете, вопрос о критичности той или иной сферы человеческого знания зависит от того, насколько быстро обсуждение спорных вопросов перетекает из обмена аргументами в обмен мерами организационного давления (когда оппонента извергают из сана, не дают ему кафедры (епископской или университетской), урезают финансирование). Безусловно, в разных странах, в разные годы и в разных религиозных конфессиях (или областях науки) аргументы и институции соотносятся по-разному. Так что вопрос о критицизме не может быть решен "вообще": в каждом конкретном случае требуется особое рассмотрение. И где-то научное сообщество, безусловно, окажется критичнее, чем сообщество религиозное, а где-то, напротив, спорные вопросы в религиозном сообществе будут решаться более цивилизованными методами, чем в научном.

Но, может быть, наука критична потому, что в ней вопросы, решаются доказательствами, а в религии – верой? Этим доводом через каждую страницу пользуется Докинз в своей книге, как всегда даже не попытавшись его обосновать, в то время как этот тезис не выдерживает никакой критики. Чтобы убедиться в его ошибочности, стоит заглянуть в любое святоотеческое сочинения, посвященное догматике: все оно буквально пронизано аргументами в пользу отстаиваемой точки зрения и доводами против тех, кто придерживается иных взглядов. В религии есть своя система аргументации, доказательств и опровержений. Конечно, она не совпадает с научной, но это не значит, что ее нет вовсе и что спор в религиозной сфере сразу упирается в веру (голословное "я считаю так, потому что это так").

Одна из основных форм аргументации в христианстве – доводы от Священного Писания. Можно возразить: если ученый строит свои доказательства на объективных фактах, то богословы – на каких-то непонятных текстах, которые они принимают за Божественное Откровение. Разумеется, занятия богословием предполагают веру в то, что Писание – это Откровение и потому годится для доказательств. Но ведь и занятия наукой тоже основаны на целом ряде допущений, требующих веры (одно из них, а именно неизменность природных законов, предполагаемую в экспериментальной практике, мы рассмотрим ниже). Если Библию можно считать всего лишь человеческой выдумкой и потому не имеющей значения, то ведь и все те чувственные факты, с которыми имеет дело, можно интерпретировать как игру нашего собственного сознания или как продукт, впрыскиваемый в наш мозг некоей матрицей, в которую мы встроены – и на этом основании махнуть на них рукой.

Р. Докинз приводит душещипательную историю о профессоре, который всю жизнь отрицал существование аппарата Гольджи (это такая клеточная органелла), а потом, когда ему привели соответствующие доказательства, на старости лет торжественно признал свою неправоту. Но сколько было таких профессоров, которые так и не признали правоты своих оппонентов, несмотря на все аргументы? И сколько было примеров, когда еретики, покоренные аргументами ревнителей "правой веры", раскаивались и отреклись от своих былых убеждений?..

Так что религия и наука примерно в равной степени предполагают как веру, так и систему аргументации. Встает вопрос: а не является ли в таком случае и то, и другое своеобразного рода игрой: когда задано некое широкое множество А (в нашем случае наблюдений и библейских цитат), из которого путем оговоренных процедур надо получить более узкое множество В (научных теорий или религиозных догматов), где парадигма – это частично как раз процедура отбора (хотя процедуры не сводятся только к парадигме), частично – базовый уровень множества В? И, следовательно, задав множество А и процедуры оперирования с ним неким произвольным образом, можно придумать еще сотни "игр", подобных религии и науке? На это нечего возразить. Возможно, в будущем такие "игры" придут на смену "играм" нынешним. Вопрос в том, сколько людей согласиться "играть" в ту или иную "игру". А это уже зависит от личной веры каждого, истории и организации социума в целом.

Чтобы у читателя не сложилось ощущения, что между наукой и религий практически никакой разницы нет, стоит сказать и об их существенных отличиях. В частности, в науке (вернее, в разных ее областях) периодически имеет место такое явление, как смена парадигмы, или "научная революция". Как уже было сказано, сама парадигма агрессивно защищается от критики, так что обычно смена парадигмы инициируется "людьми со стороны": или учеными из смежных областей, или молодыми учеными, еще не успевшими прочно врасти в институциональные отношения, или философами.

"Революции" в религии куда более редкие явления, чем в науке. Хотя стоит вспомнить: "революции" в

богословии, после которых с негодованием отбрасывались какие-то из ранее распространенных мнений (как в науке были отброшены теории флогистона и теплорода, например), в первые века существования христианства происходили весьма часто. А наука существует меньше пяти столетий, так что не удивительно, что на первых порах ее трясет так же, как трясло в свое время христианство. Возможно, пройдет время, и в науке "революции" будут столь же редки, как и в современном христианстве. Скажем, сложно представить, что в астрономии когда-либо произойдет революция, подобная коперниковской, как сейчас сложно представить, чтобы в рамках христианства появилось более революционное понятие, чем когда-то потрясшее христианский мир "единосущие".

После каждой новой "догматической революции" от христианства откалывалась очередная группа несогласных (таких, как монофизиты или несториане, до сих пор существующие на Востоке). В то время как ученые, не согласные с новой научной революцией, обычно просто вымирают, по словам Макса Планка. Вы уже не встретите среди ученых сторонников флогистона. Возможно, это отличие связано с различиями в организации церковных и научных институтов. В науке широкий разброс мнений и тем более существование нескольких альтернативных парадигм свидетельствует о ее незрелости и снижает эффективность деятельности ученых (так как они вместо того, чтобы специализироваться по частным вопросам и углубляться в них, вынуждены тратить время на полемику на общие темы). В церковной среде просто другие соображения относительно эффективности, вот и всё различие (хотя в современной физике, например, тоже параллельно существуют сторонники альтернативных подходов, и пока неочевидно, придут ли они когда-либо они к общему знаменателю, или будут существовать "в расколе", как православные и католики, например).

Всё это сказано вовсе не с целью как-то "очернить" науку ее сближением с религией и оправдать религию ее сближением с наукой. Если вы так считаете, то, значит, скорее всего, зря потратили время на чтение этой статьи и до сих пор остаетесь радостным замочком, готовым впустить в себя ключик Р. Докинза и ему подобных пропагандистов "наукобожия", согласно которым наука обладает монополией на истину и является критерием для оценивания всего остального.

Не стоит поддаваться пропагандистам ни от науки, ни от религии. Надо трезво постараться проанализировать и то, и другое, отбросив внушенные (школой, СМИ) предрассудки.

6. Неполный нигилизм и рецидивы фанатизма.

Ричард Докинз, поместивший науку на место Бога, проделал операцию, которая неоднократно совершалась на протяжении Нового времени. Хайдеггер называет подобный образ действий "неполным нигилизмом". "Неполный нигилизм хотя и заменяет прежние ценности иными, но по-прежнему ставит их на старое место". На место Бога помещали народ (российские народовольцы в 70-е годы XIX века), пролетариат: "Вот он – Спаситель, земли властелин, Владыка сил титанических", писал о пролетариате поэт Владимир Кириллов в начале 20-х годов. На новый объект поклонения распространялись те же атрибуты, которые распространялись на Бога. И ради новых "богов" убивали и взрывали не меньше, чем ради старых. Р. Докинз, рассуждая о смертниках, устроивших взрывы в лондонской подземке, утверждает, что только религиозный фанатизм может довести благовоспитанного молодого человека до того, чтобы взорвать себя вместе с десятками неповинных людей. А что, разве народовольцы и анархисты не кидали бомбы? Разве революционеры не отправляли на тот свет "враждебные классовые элементы"? И все эти бомбометатели и революционеры были тоже неплохими молодыми людьми. Вот только к предмету своих утверждений они относились совершенно некритично и рассуждали с позиций абсолютной истины, как рассуждает Р. Докинз, свято уверенный, что он может судить "с точки зрения" науки всё и вся (не может быть Непорочного Зачатия, и ведьма не может летать – ведь это противоречит "научной картине мира"). Но как же, удивится Докинз, не судить – ведь наука – это истина. Также удивился бы и исламский террорист – ведь святость джихада – это истина, как же не взрывать? И революционер тоже удивился бы – ведь учение о коммунизме – это истина – как же не стрелять в жандарма?..

Р. Докинз думает, что мир, в котором не будет религии, станет прекрасен. В нем не будет костров инквизиции и крестовых походов. Но люди, которые просто заменили Бога чем-то другим (коммунизмом, наукой), от этого не сделались менее воинственными и нетерпимыми, чем религиозные фанатики. Вполне возможно, что люди лет через сто начнут убивать друг друга во имя науки и атеизма. Ведь дело не в упразднении религии, а в терпимости или нетерпимости.

Угрозу свободному обществу сейчас представляет не только религиозные фундаменталисты, но и фундаменталисты от науки. Если секуляризация общественных институтов уже во многом проведена и Церковь отделена от государства, то пора начинать аналогичный процесс и применительно к науке. Для общества будет полезно, если рухнет неоспоримая власть научных экспертов, к мнению которых прибегают как к последней инстанции ("ученые доказали, что") подобно тому как рухнула безоговорочная власть религиозных лидеров.

7. Полный нигилизм как навык терпимости.

Если предположить, что религиозный фанатизм вызван тем, что Бог просто занимал "неправильное место" в нашем сознании, то с религиозным фанатизмом надо бороться, не водружая на это место новые объекты поклонения, а упразднив само место. Это Хайдеггер называет полным нигилизмом. Думаю, старое место – это понятие об "абсолютной общеобязательной истине". Когда на это место водружали Библию, начинали силой утверждать христианство в качестве таковой истины. Когда на место абсолютной истины водружали коммунизм, силой заставляли признавать коммунизм. Теперь на место истины возводят науку… И уже скоро могут запылать костры, на которых будут поджаривать всех, "противящихся науке". Как же, если истина общеобязательна, то надо помочь тем, для кого-то она почему-то еще не сделалась "очевидной".

"Моя страстность возрастает еще больше при мысли о том, как много теряют эти несчастные фундаменталисты и их последователи" – пишет Р. Докинз о тех, кто не желает признавать научных достижений. А как же "возрастала страстность" католиков, когда те думали, как много теряют эти несчастные протестанты. И католики всеми силами старались помочь "несчастным" (вплоть до сжигания их на костре, если те упорствовали в своем неприятии истины).

Нетерпимость начинается именно с того, что ретивые ортодоксы (от науки ли от христианства ли) начинают волноваться за тех "несчастных", которые не исповедуют какой-то "очевидной" "истины".

Один из гостей, профессор-атеист, приглашенный на презентацию книги Р. Докинза, стал возмущаться тем, что Докинза обвинили во вторичности. "Об этом надо говорить столько раз, пока это не станет очевидным", – сказал профессор. То есть, если во второй, в третий, в сотый раз повторить волшебные заклинания о всемогуществе науки, о Боге, которому наука не соизволила предоставить билетик в трамвай бытия – возможно, в это и поверят. "Единая истина" обыкновенно насаждается именно таким путем.

Как соотносятся религия и наука? Этот вопрос некорректен, так как нет "религии вообще" ("науки вообще" тоже нет, мы говорим в данном случае лишь о математическом естествознании Нового времени). Языческое мировоззрение скорее исключает науку, так как предлагает целостную картину мировоззрения, альтернативную научной, и построенную по другим принципам. Христианство же скорее параллельно науке. Христианство и наука не делят истину. Они выясняют вопрос исключительно о собственных мировоззренческих предпосылках.

Докинз пишет: "Невозможно верить или не верить во что-то по выбору. Я, по крайней мере, не могу верить только потому, что я так решил". Этим он фактически расписывается в том, что не желает полагаться на свою свободу. Он не хочет выбирать и решать по собственному усмотрению. Но это только лишь означает, что за него решают другие. Это они внушают (внушили) ему, как смотреть на мир, какие предпосылки надо выбирать.

Судьба Ричарда Докинза незавидна. Свободный человек сам решает, как ему видеть мир и на какую систему аргументации ориентироваться. Терпимость же означает, что люди признают друг за другом право на обладание истиной. Докинз несвободен – и потому нетерпим. Он отказывает аборигенам, сторонникам буквального прочтения Библии и многим другим в праве на истину.

Это происходит только потому, что Докинз, как мы уже говорили, является адептом весьма фанатичной религии – религии "науки". Действительно, многие религии (хотя "научная религия" особенно славится этим) предполагают представление о тотальной, объективной, общеобязательной истине. Пожалуй, только христианство строится на другом подходе к истине, а именно на словах Иисуса: "Я есмь путь, и истина, и жизнь" (Ин.14:6). Истина для христиан – это вовсе не чуждая и холодная "реальность", которую надобно разыскивать и ощупывать ("открывать"), вроде того, как ощупывают слепцы слона в известной притче. Истина – это сам Христос, живая Богочеловеческая Личность. Личность нельзя "открыть", если она не откроется сама. Нельзя Личность сделать общеобязательной, всем навязать и доказать ее. Напротив, чтобы вступить в отношения со Христом (а это и означает "знать истину", вступить в отношения с истиной), нужен индивидуальный свободный выбор. Христос – истина не в принудительно-общеобязательном порядке, а в порядке того выбора, который может сделать (а может и не сделать) каждый в своем сердце.

Для христианина только Христос – истина, а всё остальное (весь мир) – лишь интерпретации. Может быть, именно это основание для терпимости? Впрочем, если это и так, то это не служит "доказательством" в пользу христианства (или, напротив, его опровержением).

Нельзя позволять другим решать за себя. В конечном счете, можно решить даже в пользу "научной" религии. Но при этом надо отдавать себе отчет, что это был именно наш выбор и наша истина, а не истина "вообще". А для этого нужно перестать слушать различных пропагандистов, которые пытаются затащить в наше сознание некое "решение" помимо нашей воли.

Думаю, умение выбирать и навык рассмотрения предпосылок собственного мировоззрения – вот единственно адекватная позиция, которую любой здравомыслящий человек, вне зависимости от своих религиозных убеждений или отсутствия оных, должен противопоставлять Ричарду Докинзу и ему подобным пропагандистам, претендующим говорить от имени науки, религии, морали.